

РУССКИЙ ФОТОХУДОЖНИК ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ЕРЕМИН (1881-1948)

Окончание. Начало в "РМ" №4221

Критика была такая: "Тихие меланхолические думы! Как безнадежно, как замогильно звучат эти «думы» в металлическом лязге созидательной революционной современности!" (о пейзаже с архитектурой). Далее следует вывод: лирика Ю.Еремина продиктована... из загробного мира." В 1936 году критиковали строже: "При вашей луне, товарищ Еремин, ни один комсомолец не рискнет целоваться, Ваша луна скорее годится для шабаша ведьм. Какая-то мистика, черное небо, странно все это!" Это написано тоже о пейзаже, но не с архитектурой, а с цветами и луной.

В дельте Волги. Баржи. 1930.

С 1934-го по 1936-й особенно рьяно травили (выражение Александра Родченко. — А.Ч.) Родченко и Еремина. Один коллега прямо назвал Родченко "врагом". Заступился за Родченко только Еремин, постоянно травимый Ереминым.

Если Родченко били за "формализм" (в соответствии с директивной статьей "Сумбур вместо музыки"), то Еремина — за независимый характер, а также за то, что всем своим творчеством он как бы отстаивал право художника не только на выбор тематики, но — и это особенно важно — на свое личное, интимное отношение к изображаемому. Отношение, явно чуждое тоталитарной идеологии.

Но вернемся в 20-е. Осенью 1924-го РФО посылает группу фотографов в Крым для запечатления природных и этнографических особенностей полуострова. Кто — и Еремин в том числе — едут со своими моделями. Поездка оказалась увлекательной и плодотворной. Затем в Москве прошла отчетная выставка, фотографии прочли лекции.

С тех пор начинаются для Еремина практически ежегодные поездки по стране. Он первым приобрел и освоил малоформатную камеру "Лейка", что дало ему немислимые по тем временам возможности снимать в экспедициях много- и разнофокусными объективами. Он изучил Кавказ (снимал даже в затерянных местах, куда никто не путешествовал: народность агулы, Юж-

даг), фотографировал Поволжье (от верховьев до дельты реки Урала), Алтай, Ураину и Среднюю Азию.

Зимой обычно печатал снятое летом, участвовал в выставках, фотографировал Москву, Питер, окрестности столиц,

Улица Бухары. 1934.

общался с друзьями. Еще в 1918-м он разошелся с семьей и жил холостяком до конца 30-х годов. В большую, им самим украшенную и меблированную квартиру, что на скрещении Петровки и Столешникова, зачастили друзья, коллеги, ученики, модели. А по мере знакомства фотографа с артистической Москвой — художники, скульпторы, актеры. В 30-е годы, когда Еремин уже несколько лет преподавал в студии Дома ученых, среди его друзей — математик А.Млодзевский, астроном Б.Воронцов-Вельяминов. Эта внешне божемная жизнь имела и иную сторону. Помимо работы в прессе, выполнения репортерских зака-

Вид на Кремль от храма Христа Спасителя. 1929.

зов, Еремин редакторствовал в журнале "Фотограф", заведовал фотолабораторией Московского угрозыска, девять лет преподавал во Вхутеине и в Полиграфическом.

Юрий Еремин не принадлежал к числу тех, кого допускали фотографировать "тонкошеих вождей", а как оплачивалась съемка всякой иной тематики, догадаться нетрудно. В то же время "за один только 1928 год, — сообщал журнал "Фотограф", — Ю.П.Еремин принял участие во II Международном салоне в Токио и Осаке, во II Интернациональном салоне в Турине, на выставках в Торонто и Нью-Вестминстере (Канада), в XXIII Международном парижском салоне, а также в выставках в городах Сарагосса (Испания), Стокгольм и Вильно (Польша)".

Шли годы. Юрий Еремин оставался незвучен "металлическому лязгу созидательной революционной современности"; отношение властей было соответствующим. Например, "Советское фото" подводит итоги Московской выставки фотоискусства весной 1936 года: более всего специалисты — фотографы, художники, скульпторы — хвалят работы Ю.Еремина, однако последний получает всего лишь диплом — медали достаются другим.

Вместе с тем ему разрешают ездить, снимать, выставляться, хотя публикуют все реже. Его всячески выдвигают из активной фотографической жизни. Он заболевает. После нападков, проработок вокруг мастера остались только близкие друзья и жена В.А.Еремина. После смерти Юрия Петровича она сохранила его архив — 60 тыс. негативов.

Нынешнее поколение не знает Еремина. А ведь он был художником со своим собственным четким, узнаваемым почерком. Произведениям его, точно скомпонованным, построенным на изящном рисунке, живописной игре пятен, линий, масс, всегда присущи артистичность и некий особый дух — словом, все то, что так притягивало поклонников и учеников. Учениками Еремина называли себя выдающиеся фотографы М.Прехнер (погибший на войне), Я.Халип, С.Иванов-Аллилуев, П.Клепиков.

В своей интерпретации реальности Еремин не впадает в иллюзионизм, в банальность. Напротив, его работы выявляют типическое, временами достигая символической образности. На снимке "В дельте Волги" сразу узнается Россия — и только Россия. По каким признакам? Трудно сказать, однако это так. Камерность и лиризм, свойственные многим работам Еремина, приобретают тут эпическое звучание. Создается ощущение гармонии человека с окружающим миром, ощущение радости бытия.

Дитя своего времени, Юрий Еремин разделял многие заблуждения и предубеждения эпохи. Однако все его творчество, далекое от конъюнктуры и от злобы дня, воспевавшее саму жизнь, как дар, переводило популярный тогда "жанр" фотографии в ранг настоящего искусства.

АНАТОЛИЙ ЧУЛКОВ

Москва

239